НИНА МОЛЕВА

«ВСЮ ЖИЗНЬ ИСКАЛ, КОМУ БЫ ПОМОЧЬ...»

Нина Михайловна Молева — профессор, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, член Комиссии по монументальному искусству при Московской городской думе.

К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя

Он не просто говорил — он настаивал, что жить способен только в двух городах: Москве и Риме. И непременно добавлял, что только в этих столицах испытывал подлинную любовь к своей особе — человеческой и писательской — сочетание, дарящее подлинное счастье.

Из рассказов М.С. Щепкина. 1852

В Вечном городе его имя знакомо едва ли не каждому. Гоголь? Великий Гоголь! Синьор Николо Гоголь — римляне до сих пор охотно называют его и так. «Мертвые души», «Ревизор», «Тарас Бульба», «Вечера на хуторе...» (с названием хутора дело обстоит сложнее!). Это в нашем пресловутом ЕГЭ требуются подсказки, ошеломляющие своей дебильной примитивностью, — в Риме они не нужны. Названия произведений произносятся без промедления, со вкусом и непременной улыбкой: вот кто чувствовал жизнь, кто понимал все ее стороны.

А дальше следует каскад адресов: где жил, как ладил или не ладил с квартирохозяевами, в какие кафе и траттории ходил, какими путями бродил по городу, как любовался Колизеем (не то что нынешние балаболки-туристы!), в какие предместья выбирался в жаркие летние дни (представьте, и тогда ни за что не хотел оставлять нашего Рима!). И это разговор не экскурсоводов — обыкновенных вечно спешащих римлян, от самых пожилых до школьников и лицеистов.

1969 год. Знаменитая галерея «Ла Баркачча» на пьяцца Д’Испанья. Ее владелец, титулованный историк искусства доктор Этторе Руссо, готовит первую большую персональную выставку осужденного советской идеологической машиной живописца профессора Э.М. Белютина (Элидж Белуччи). Закончен первый рабочий день, и доктор Руссо выходит вместе с художником: как же не пока-

Н.В. Гоголь. Литография по рисунку Э.Дмитриева-Мамонова. 1852 год

зать эти удивительнейшие — **гоголевские** места. Вот здесь, чуть повыше галереи, синьор Николо снимал квартиру, а по этой лестнице, прямо вместе с нами, спускался каждое утро в кафе Греко. Но это не первый и уж во всяком случае не единственный его римский адрес.

Чашечка кофе в кафе Греко. Стены, увешанные работами былых и нынешних посетителей. Старые (относительно) столики и старые стулья. Официант-камерьери, тут же пускающийся в объяснения, где именно сидел синьор Николо, какой кофе любил. И хотя повторять свой рассказ ему приходится наверняка бесчисленное количество раз, он так же живо переживает великую тень. И как могло бы быть иначе, когда — поглядите в окно! — к мемориальной доске с именем великого Гоголя все время приносят живые цветы, а они совсем не дешевы в Риме.

Время не могло не сказаться на интерьере. Он изменился, но главное — все стремятся к тому, чтобы он походил на тот, давний. Никому не приходит в голову наводить лак и сусальную позолоту на место пребывания великого человека ради собственных гламурных представлений о красивой жизни и великих людях. Все тот же словно пропыленный воздух, потемневшие рамы на стенах. Здесь никогда не было ни толстосумов, ни аристократии. Все начиналось. Сначала карбонарии, потом Гёте, Торвальдсен, Рихард Вагнер, Мицкевич, Словацкий, Андерсен, но Гоголя назовут в числе первых. Вот только насчет кухни — ею кафе Греко не отличалось никогда. Дешевизна не способствует изыскам, а оно было самым дешевым в округе. Отсюда толпы будущих знаменитостей: ведь им нужна была их среда, а денег все равно ни у кого толком не было. Доктор Руссо называет едва ли не первый римский адрес синьора Николо: самая скромная виа ди Изидоро и еще более скромная комната. Средневековая часть города, в то время не знавшая ни переделок, ни ремонтов.

«Сижу без денег. Я приехал в Рим только с двумястами франков, и если б не страшная дешевизна и удаление всего, что вытряхивает кошелек, то их давно уже не было бы. За комнату, то есть старую залу с картинами и статуями, я плачу тридцать франков в месяц, и это только одно дорого. Прочее все нипочем. Если выпью поутру один стакан шоколаду, то плачу немножко больше четырех су, с хлебом, со всем. Блюда за обедом очень хороши и свежи, и обходится иное по четыре су, иное по шесть. Мороженого больше не съедаю, как на четыре... Теперь я такой сделался скряга, что если лишний байок (почти су) передам, то весь день жалко...» (из письма А.С. Данилевскому в апреле 1837 года). Гоголь не скрывал своих затруднений. С деньгами не умел обращаться никогда. Получив около двух с половиной тысяч рублей за «Ревизора», расправился с ними слишком быстро: приходилось помогать матери,

сестрам, множеству приятелей. По словам Михайлы Семеновича Щепкина, «всю жизнь искал, кому бы помочь — по делу и без дела».

Теперь вся надежда была на императора. Сколько ни твердил Гоголь о провале своей пьесы, современники с ним не соглашались. Никакого императорского неудовольствия «Ревизор» не вызвал, продолжал идти день за днем с неизменными аншлагами и в Петербурге, и в Москве. В семьях Щепкина и Садовских, напротив, хранилась память о своеобразном решении исполнителей. Передававшиеся из поколения в поколение слова Щепкина: «До самого Николая Васильевича, слов нет, не дотягивали, так ведь он был Актер милостию Божьей. В версту ему никого в своей жизни не видывал».

«Концепционные помехи» — их было множество в советские годы, их стало едва ли не еще больше сейчас. К их числу оказалось отнесенным и примечательное обстоятельство первых лет жизни Гоголя за границей: его обращение за материальной поддержкой к Николаю I. Именно к нему. Если предполагать гнев императора против «Ревизора» — поступок необъяснимый.

Все лето 1837 года Гоголь хлопочет о деньгах. Просит их в долг у приятелей. Готов расстаться за полцены с библиотекой, которой всегда дорожил. Наконец пересылает В.А. Жуковскому письмо-просьбу о вспомоществовании на имя императора. Ведь получают же немалые средства молодые художники, пенсионеры Академии художеств, которые рисуют-то много хуже его, тоже прошедшего академический курс!

Он сам признается: письмо получается на редкость неудачным, почти нелепым. Но Василий Андреевич Жуковский, к которому Гоголь обращается за поддержкой, как всегда, находит удобный момент и «способ представить дело». Просьба удовлетворена, в конце октября деньги у Гоголя. «Я рад, что у тебя не отнял денег, которые, может быть, тебе нужны самому и которые я просил у тебя взаймы, — пишет он Н.Я. Прокоповичу. — Я получил от государя (спасибо ему!) почти неожиданно и теперь не нуждаюсь».

Доктор Руссо сворачивает за угол: «Новые средства — новая квартира. Изменить старому кварталу синьор Николо, конечно, не мог, но это уже Страда-Феличе — ее со временем переименуют в виа Сикстина. Итальянцы, тем более римляне, всегда предпочитали патину подлинной старины нарядности новоделов. Гоголь, правда, забирается на самый верхний этаж (позже над ним появится еще один) и вполне удовлетворяется скромной квартиркой из трех маленьких — в одно окно — комнаток, и это вдвоем с приятелем».

Здесь все помнят, как тяготился он одиночеством, как даже работать предпочитал в людской суете и гомоне. Ему не мешали ни табачный дым, ни запахи кухни. А еще в Риме хранят память об обстановке гоголевской квартиры. Домохозяин уборкой заниматься не любил. Гоголь отдельной прислуги не нанимал, предпочитая бесконечно препираться со старым, искренне полюбившим его итальянцем. Между тем пыль в комнатках лежала повсюду. Пол неделями не подметался. А небогатый гардероб синьора Николо в немыслимом беспорядке был раскидан по столу и стульям. Но вот запомнили великого писателя римляне совершенным щеголем: в «приглаженном к моде», в всегда достаточно ярком костюме, сменявшихся жилетах и галстуках и со старательно уложенной прической. «Все говорят, — с удовольствием повторяет итальянский искусствовед, — хорош собой был очень».

Мы останавливаемся у дома № 126. Это и есть самая знаменитая, каждому знакомая квартира. Чего стоит одна великолепная мраморная доска в память о том, что здесь в 1838–1842 годах жил и творил сам великий Го-

голь! Ее установили соотечественники в 1902 году, а вот живые цветы — они никогда перед ней не исчезают. «Как перед алтарем», — очень серьезно говорит доктор Руссо. Мы не успели заметить, как в его руках появилась большая роза, которую он бережно пристраивает на импровизированную цветочницу.

Профессор Римской академии доктор Франко Миеле, интересный живописец, поэт, автор фундаментального труда «История и теория эстетики» (Рим,1965), поглощен двумя темами, одинаково немыслимыми в те годы в Советском Союзе: по каким принципам (и из кого поименно!) 5-е управление КГБ формирует и поддерживает так называемых художников-диссидентов и их «запрещенные» выставки и чем является в развитии европейского искусства творчество Элия Белютина (книга «Символизм Элия Белютина, или Русский живописец династии Белуччи»). Но почему-то все прогулки по городу и предместьям непременно приводят к великому Гоголю. Дома, где жили друзья, где была мастерская Александра Иванова, дешевые ресторанчики, дороги в Тиволи, Альбано. И невольный вопрос: почему среди множества иностранцев, наводнявших Рим, римлянам тех лет так мелочно запомнился именно синьор Николо? Как народная память сумела выделить именно его? В конце концов, «Мертвые души» еще только должны были появиться. Для этого предстояла поездка в Россию, трудные, временами казавшиеся безнадежными хлопоты, участие русских друзей именно на родине. Профессор Миеле не медлит с ответом: «Избирательность памяти человечества. Она основывается на ощущении наполненности данной творческой личности сознанием присущих каждому, установленных сущностью самой натуры нравственных ценностей, иначе — своего положения, возможностей и ответственности в системе мироздания».

Что ж, видно, Рим именно так воспринял молодого человека, еще не утвердившегося полностью в своей профессии писателя, едва-едва справляющегося с бесконечными и безнадежными финансовыми затруднениями. И пример обратной связи.

«Ехал я раз между городками Джансано и Альбано в июле месяце. Среди дороги на бугре стоит жалкий трактир, с бильярдом в главной комнате, где вечно гремят шары и слышится разговор на разных языках. Все проезжающие мимо непременно здесь останавливаются, особенно в жар. Остановился и я. В то время я писал первый том "Мертвых душ", и эта тетрадь со мною не расставалась. Не знаю почему, именно в ту минуту, когда я вошел в этот трактир, мне захотелось писать. Я велел дать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере забылся удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места. Я считаю эти строки одними из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением». Все это Гоголь рассказывает поэту и переводчику, члену так называемой «молодой редакции» «Москвитянина». Кому в Италии не знакомо превосходное, легкое, чуть отдающее сладостью вино Дженаццано и Академия современного искусства, получившая то же имя и хранящая между тем память о часах вдохновения великого Гоголя.

Гоголь прикоснулся и к другой исторической тайне Рима — Латине. Квартал или предместье, но его уроженцы считают себя самыми древними и самыми подлинными: не римлянами — именно латинянами. Никто из них не преминет упомянуть о месте своего рождения, родовой принадлежности, относительно которых богатство и знатность, а сегодня известность не имеют ровным счетом никакого значения. Латиняне!

На широком развороте лестницы в холл ныне снесенной гостини-

цы «Минск» на улице Горького (этот памятник 60-х годов оказался недостойным вместе с памятью о тех давних гостях и встречах оставаться на улице Тверской) веселая, говорливая толпа. Европейская знаменитость, нейрохирург профессор Джанкарло Вердечча. Живописец Итало Вивальди (он станет автором интереснейшей серии пейзажей Троице-Сергиевой лавры) и его супруга. Вузовский преподаватель Нереа. Владелец (безусловно, лучшей в округе!) мясной лавки. Инженер-строитель. Владелец гаражей. И еще самые разные профессии и, казалось бы, интересы. Но все они уроженцы, а многие и по сей день жители Латины, которых их товарищ профессор Франко Миеле уговорил приехать в Москву. Многое ли их интересует? Конечно, и среди первых вопросов — Николо Гоголь. Это правда, что он считал возможным жить только в Риме и в Москве? У нас был очень счастлив, а здесь провел последние годы. Покажите! Все покажите!

Это кажется удивительным, но Гоголь познакомился с Москвой всего на четыре года раньше Рима. Первый приезд в древнюю столицу состоялся только после выхода в свет «Вечеров на хуторе близ Диканьки». На берегах Невы они не произвели особенного впечатления, в Москве же вызвали восторг. Специально, чтобы узнать, кто скрывается под псевдонимом пасичник Рудый Панько, в Петербург поехал М.П. Погодин. Он и был тем единственным знакомым, к которому в начале лета 1882 года приехал в Москву Гоголь, разыграв при этом множество эпизодов из будущего «Ревизора». Он скрывал, где остановился, ехал почти инкогнито, сам и очень необычно выбирал знакомства.

Конец весны выдался холодным и дождливым. В большинстве домов, где оказывался столичный гость, продолжали топить печи. С буйных зарослей сирени у крыльца дома Михайлы Семеновича Щепкина, в Большом Каретном переулке, что тянулся вдоль Цветного бульвара, лились потоки воды. Дверь из сеней была настежь распахнута в столовую, где за столом сидело несколько десятков человек — от ветхих старушек до молодежи. Вкусно пахло щами с говядиной — единственным блюдом в щепкинском доме: вслед за тарелкой «хлёбова» полагалась тарелка «черной каши с куском отварной “бычачины”». Ни с кем не знакомый, обычно до слез застенчивый и терявшийся в чужом обществе, Николай Васильевич, имевший от роду всего-то, как любил вспоминать Щепкин, 23 года, смело перешагнул порог и — запел! Запел развеселую украинскую песню: «Ходит гарбуз по городу, / Пытается своего роду: / “Ой, чи живы, чи здоровы / Вси родичи гарбузовы”». Когда присутствующие узнали, что перед ними Гоголь, восторгам не было конца.

С таким же теплым чувством переступали этот порог все знаменитые русские актеры и писатели, начиная с Пушкина. Латиняне еще успели его увидеть, даже войти внутрь. Все были уверены: памятник всесоюзного значения, переданный под покровительство ВТО — Всероссийского театрального общества, будет превращен в музей. В апреле 1985 года начальник жилищного отдела Свердловского района Москвы А.С. Гриднев дает указание в связи с подготовкой района к первомайским праздникам и в преддверии XXVII съезда партии дом Щепкина... снести. После сноса Совмин РСФСР снимает дом с охраны и освобождает ВТО от необходимости его восстановления. По согласованию с ВТО методический совет Центрального совета ВООПИК ограничивается просьбой об установлении на пепелище памятного знака. Но все это подробности, о которых иностранцам незачем знать.

Судьбу щепкинского дома разделили все особняки, с которыми по-

знакомился Гоголь, впервые оказавшийся в Москве. Все! А те постройки, от которых остались хотя бы фрагменты фундаментов и стен, как дом М.П. Погодина на Мясницкой, 7, перестроены до неузнаваемости и, главное, не несут никаких памятных надписей. Просто Москва не знает подобной практики, которая могла бы (конечно, только в принципе!) ограничить полет перестроечных идей, поддержанных массой средств неизвестного происхождения, по русской поговорке: «Что хочу, то и ворочу, была бы тугой мошна».

Не осталось следов от знаменитой усадьбы поэта и баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, «патриарха русской поэзии», по выражению Гоголя, которая находилась на Спиридоновке. На месте особняка, выстроенного по проекту А.Л. Витберга и окруженного садом, давно высится дом приемов МИДа. Остатки же вековых деревьев, высаженных и выхоженных поэтом, были вырублены под корень, бог весть из каких соображений — безопасности или полного непонимания московской архитектуры, всегда органически связанной с зеленью. Еще в XVII веке иностранцев поражало обилие зелени в средневековом городе.

Гоголь «прикипел сердцем» к хозяину необычной усадьбы, писал ему, как трудно расстается с Москвой и как уже мечтает вернуться и оказаться в дмитриевском доме. Даже решение о будущей комедии во многом было принято именно здесь.

И вот последний приезд в старую столицу — с решением окончательно поселиться именно в ней. Первый дом, в котором Гоголь останавливается сразу по приезде, в сентябре 1848 года, — уютный особнячок Шевыревых в Дегтярном переулке, сразу за гостиницей «Минск». Его снесли не ради нового строительства — просто помешал установке башенного крана, задействованного на ремонте соседнего многоэтажного дома. Усадьба М.П. Погодина на Погодинской улице, вблизи Новодевичьего монастыря, от которой осталась крохотная стилизованная «под Русь» избушка с майоликовыми вставками. Верхний этаж главного дома занимало знаменитое древлехранилище хозяина — рукописи, книги, образцы оружия, нумизматика, — ставшее вымечтанным местом работы Гоголя. Окна на все стороны. Старый липовый сад со множеством птиц. Запах тины и воды от Москвы-реки. Переданное под посольство домовладение не оставило надежды на упоминание имени писателя. А ведь это сюда съезжалась вся литературная и театральная Москва на знаменитые «Николины дни» по весне — именины Николая Васильевича, которые он так любил и к которым так долго и обстоятельно готовился, несмотря на вечную нехватку средств (приходилось договариваться с поставщиком вин, что непочатые бутылки он примет обратно и исключит из счета, зато повар приглашался из самого дорогого ресторана!).

Отношения с Погодиным, всю жизнь материально поддерживавшим писателя, на этот раз не складываются (опять проклятые деньги, в которых теперь нуждается и сам Погодин-издатель). Вопрос жилья приобретает посреди зимы особенную остроту.

Предложение четы графов Толстых поселиться у них оказывается настоящим спасением. Правда, супруги не располагают в Москве собственным домом, им еще предстоит решить вопрос аренды, а граф вообще добирается до Москвы позже жены. И еще одно: Толстые глубоко безразличны к творчеству Гоголя и к литературе вообще. Они не читали и не собираются читать произведения своего «постояльца» (и это при том болезненном внимании, с которым Гоголь следил за отзывами о своих работах!).

Зато в арендованном на Никитском бульваре доме покойного Талы-

зина гостю можно выделить две комнаты первого этажа с отдельным входом из сеней. В 1960-х годах с гостями из Латины удастся даже войти в них — в коммуналках это было совсем несложно. Былые две комнаты разгорожены на немыслимые клетушки, но римских посетителей это не смущает: ведь это же те самые стены! И первый отклик: темно и сыро. Пусть римские квартирки синьора Николо были очень тесными, зато сколько в них света и тепла! Слова синьоры Нереа Вивальди: «Разве хозяева не понимали величия имени своего гостя? Невероятно!»

Вероятно! Сразу после кончины писателя графиня А.Е. Толстая поспешила превратить его половину в четыре комнаты для прислуги. Следующая хозяйка, прямая родственница М.Ю. Лермонтова, продолжила переделки, и пристроенный к старому барскому особняку новый доходный дом получил именно в кабинете писателя свою швейцарскую. А уж после 1917 года гоголевский дом превратился в Воронью слободку — сочетание коммуналки с офисными помещениями советских служащих.

1966 год, казалось, приоткрыл свет в конце тоннеля. Закон об охране памятников, принимавшийся на заседании Верховного Совета РСФСР в Кремле. Постановление правительства о первоочередном создании в Москве мемориальных музеев А.Н. Островского, М.С. Щепкина, И.И. Левитана, Танеевых, Н.Д. Телешова, Н.В. Гоголя. По прошествии сорока с лишним лет (перемены в политическом устройстве не слишком принципиальны для общего развития национальной культуры) можно с горечью констатировать: результат по меньшей мере кастрированный. Есть Дом-усадьба А.Н. Островского, но это новодел, к тому же сооруженный на новом месте с фантастической идеей превратить скромнейший домишко причетника в барскую усадьбу, в представлении руководителей учреждений культуры, единственно достойную памяти великого драматурга. Музей М.С. Щепкина — последняя съемная квартира актера, о которой никогда не было и речи. Совершенно изуродованный арендаторами Худфонда особнячок Танеевых, так славившийся своим гостеприимством и созвездием собиравшихся в нем имен, сначала превратился в подсобное помещение, где штамповались маленькие бюстики вождей, а теперь и вовсе отошел в ведение епархии. Собрание сочинений Н.Д. Телешова после долгих злоключений непосредственного наследника писателя погибло в пожаре, хотя находилось в той же самой усадьбе, где находится резиденция Московского отделения ВООПИК. Гоголю же не помогло даже подошедшее 200-летие. Одни отзываются: «Гоголевская судьба!», другие: «Гоголевская фантасмагория!».

Ровно девять лет понадобилось, чтобы отселить переполненный дом и его отремонтировать. Именно отремонтировать. Хотя разговор велся о реставрационном восстановлении, его не произошло. Былая зала на втором этаже, служившая хозяевам и столовой, и гостиной, где Гоголь ел вместе с Толстыми, часто слушал игру на рояле хозяйки, а в теплые дни читал ей на примыкавшем просторном балконе (графиня страдала тяжелой формой так называемой сонной болезни — постоянно и при всех обстоятельствах засыпала и, только прогуливаясь перед чтецом, могла вслушиваться в его слова) — ее превратили в читальный зал, как и «нижнюю гостиную», где происходило авторское чтение «Мертвых душ», превратили в библиотечный абонемент. Но это уж со временем, а сначала просто были сняты лишние перегородки и изуродована парадная лестница в сенях; сокращенная на одну ступеньку, она приобрела немыслимую крутизну и прямую опасность для посетителей.

Так или иначе, дом был приведен в приличное состояние и предложен, как оно и должно было быть, Государственному литературному музею. Но директор музея госпожа Шахалова категорически отказалась от щедрого подарка Моссовета. Потому что литературный музей не располагал должным количеством подлинных экспонатов, а Гоголем не занимался никто из его сотрудников. Ни литературоведы, ни соответствующие исследовательские институты, ни, наконец, Московский университет, чьим почетным профессором был писатель, ни тем более тогдашние отцы города не вмешались в ситуацию. Наспех, меньше всего задумываясь о памяти великого писателя, Моссовет отдал мемориал пришедшей в аварийное состояние библиотеке, в прошлом носившей название «Долой неграмотность!» и организованной по инициативе Н.К. Крупской. Ютившаяся действительно в плохих условиях, на углу Большой Никитской улицы и Большого Кисловского переулка, библиотека славилась среди читающих москвичей институтом книгонош. Заказанную книгу вам доставляли на дом. Бесплатно! Причем из очень хороших фондов реквизированных частных книжных собраний.

Новые владельцы начали устраиваться в мемориальных стенах, и прежде всего оборудовали по последнему слову техники (с передвижными стеллажами и, соответственно, рельсами) книгохранилище в кабинете и приемной писателя. Это не смутило ни научное, ни чиновничье начальство. В дело вмешались существовавшие в 70-х годах прошлого столетия общественные инспекторы Московского городского отделения ВООПИК. Через окна первого этажа рассмотрели происходившее. Последовало решение методического совета ВООПИК. Подключились СМИ. Гоголевский дом был поставлен на новый «восстановительный ремонт», касавшийся только гоголевской половины.

Эту половину освободили «под мемориал» (оставшийся подразделением той же библиотеки: ведь и на самом деле условия работы библиотеки несовместимы с музейным статусом!). Срочно обставили случайной мебелью. Так в кабинете Гоголя оказались диван Александра Николаевича Островского и стол Михаила Петровича Погодина — последний из собрания Государственного исторического музея, где хранится погодинское наследие. Приемная и вовсе осталась необставленной — в нее вдвинули грузные, наспех побеленные стенды типа тех, что ставились под открытым небом в парках и на бульварах, с ксерокопиями документов из жизни Гоголя. «Чтобы проводить экскурсии школьников о творчестве!» Выкрашенные в «дикий» зеленый цвет всех присутственных мест стены и столик с лампой для сотрудника дополняли картину. Этим первым сотрудником оказалась Инна Матвеевна Рудой, которая начала бить тревогу: такой казенной и заброшенной последняя квартира великого Гоголя быть не могла!

Ничего не хотело слышать городское библиотечное начальство, тем более собственная дирекция (Инна Матвеевна вскоре и была уволена — за беспокойный характер). Но И.М. Рудой уже успела связаться с методическим советом МГО ВООПИК, с возглавлявшим его автором очерка, а та в свою очередь — с потомками Щепкина, Садовских, со всем созвездием Малого театра. От предложения провести вечер «Загадка “Невского проспекта”» невозможно было отказаться. Е.Н. Гоголева, М.И. Царев, народные артисты Б.Клюев, М.Новохижин, Г.Куликов (в то время звезда советского кино), П.Садовский, А.Щепкина, М.Овчинникова — списку не было конца, да еще надо прибавить виртуоза своего дела осветителя Малого театра В.Ворон-

цова и режиссера телевидения И.Ларина. А в зальчике, которым стала приемная, в первом ряду И.Андроников, О.Волков, Д.Жуков, профессура МГУ и москвичи, пришедшие «к Гоголю» безо всякого пиара, афиш и объявлений. Наша общая просьба — помочь открывающемуся мемориалу хотя бы современными Гоголю вещами.

И как же была услышана эта просьба! «Загадка “Невского проспекта”» повторялась каждый выходной день библиотеки в течение конца ноября — всего декабря 1975 года. И каждый раз собрание мемориала (будущего!) пополнялось. Ручной работы ковер под столом в кабинете писателя, щипцы для снятия свечного нагара, каминные часы, приборы для камина, подсвечники, современные писателю книги... На одном из вечеров исполнителям была передана «авоська» с бесформенным комом газетной бумаги, внутри которого оказалась посмертная маска писателя. Ее принесла в дар внучка скульптора Н.А. Рамазанова, снимавшего когда-то слепок с лица покойного. У библиотеки не было соответствующей витринки для экспозиции бесценного подарка — ее «списали» сотрудники существовавшего тогда на Моховой Музея М.И. Калинина. Не было бархата для оформления витрины — сестра Д.Д. Шостаковича Зоя Дмитриевна подарила свое великолепное вечернее платье из черного, настоящего французского бархата. На кровать Гоголя легла превосходная русская шаль из собрания известного искусствоведа и теоретика реставрации Аллы Николаевны Лужецкой. Конечно, можно со снобистским пренебрежением отнестись к подобной «самодеятельности», но ведь по-настоящему народный писатель вызывал к жизни подлинную человеческую читательскую любовь.

Программа «Загадка “Невского проспекта”» прошла в Центральном доме литераторов, затем в Питере, в Центральном дворце искусств. Питер ответил выпуском специальной благодарственной медали (она хранится сегодня в мемориальных комнатах на Никитском бульваре).

При мемориальных комнатах появляется общественный совет, в который вошли доктор исторических наук, главный редактор первого издания энциклопедии «Москва» Ю.Н. Жуков, директор музея-заповедника А.Н. Островского «Щелыково» Е.И. Петрова, заместитель директора Театрального музея Бахрушина И.Н. Ансимова и многие другие. Это во многом их усилиями создается на Украине, в Васильевке, музей-усадьба писателя. И очень существенная составляющая — новое отношение сотрудников самой библиотеки к своим мемориальным комнатам. Директор библиотеки Екатерина Александровна Хрущева изыскивает средства для пополнения мемориала мебелью, предметами быта 30–40-х годов XIX века и завещает свою фамильную обстановку нашему общему детищу. После ее смерти ее преемница и душеприказчица пренебрегла волей покойной и по-своему распорядилась наследством.

За прошедшие двадцать лет изменилось многое. Некогда популярные «Гоголевские среды» сменились вполне достойными симпозиумами, беседами, интервью и конференциями. Для профессионалов. Или, во всяком случае, для избранных. Какой уж тут шум и многолюдье, в которых любил работать синьор Николо! Ничего не делалось ни в отношении создания музея (последняя акция участников «Гоголевских сред» завершилась присвоением 2-й Городской библиотеке имени писателя), ни в отношении изучения самого здания и его научной консервации.

Былые палаты Салтыковых XVII века многократно достраивались и перестраивались. Нарастал так называемый культурный слой земли у его стен, который по всем техни-

ческим нормам следует убрать, открыв древние стены вплоть до начала фундамента. Правда, один раз это частично произошло — когда в нарушение всех технических норм прямо у старых стен со стороны сада прокладывался коллектор. Из образовавшегося раскопа сотрудник мемориальных комнат Г.М. Бурова извлекла множество остатков древней керамики, утвари, но это оказалось ее личным делом. Археологическая служба города, несмотря на все просьбы дирекции библиотеки и общественного совета мемориальных комнат, никак не откликнулась на находки. А ведь гидротехнические службы столицы прибавили к этому заключение, что талызинские палаты нуждаются в немедленном осуществлении гидроизоляционных работ. Зато преемница Е.А. Хрущевой умудрилась получить порубочный лист на 125(!) деревьев и кустарников в талызинском саду ради последующего «благоустройства территории», которое по непонятной причине решил профинансировать Институт США и Канады.

Понадобилось вмешательство без малого десятка ведущих СМИ, чтобы предотвратить варварство, но талызинский двор все равно потерял немалую часть своей территории, предоставленной под строительство... грузинского ресторана. Он и теперь продолжает благополучно процветать перед окнами тех комнат, в одной из которых скончался Гоголь. В преддверии большого юбилея оказалось едва ли не самым важным отделать находящийся против мемориального дома флигель, стилистически несколько приближенный к старому особняку Салтыковых–Талызиных. Почему-то всеми забылось, что выстроено это здание в начале XX века на месте ряда хозяйственных построек городской усадьбы — конюшни, каретного сарая, людской и кухни. И, кстати сказать, это первый опыт блочного строительства в Москве — факт сам по себе достаточно любопытный. Располагались с самого начала в нем винный магазин, молочная лавка и детская лечебница. Такова была воля последних владельцев усадьбы — супругов Катковых. На месте же, куда был поставлен едва ли не лучший в России памятник работы Н.А. Андреева, находился (при Гоголе, во всяком случае) колодец с журавлем — устройство, характерное для московских дворов и так напоминавшее Гоголю родные места.

Проект с видом главного дома при Гоголе так и остался ненайденным, и нынешняя реставрация воспроизводит отделку 70-х годов XIX века. Именно отделку, потому что в преддверии двухсотлетия руководство библиотеки сочло для себя допустимым изменить исторический объем мемориального здания — поднять стропильные фермы и устроить со стороны двора третий этаж. Для удобства работы будущего музея. Вряд ли стоит сомневаться, что все требуемые чиновничьей процедурой согласования пройдены. Просто о цене подобных согласований сегодня говорит день ото дня исчезающий исторический облик Москвы. Не случайно для ЮНЕСКО наш город перестал входить в категорию памятников. Это право сохранено пока за одним только Кремлем.

Никто не позаботился о том, чтобы ликвидировать монументальный рекламный столб высотой чуть ли не до второго этажа прямо напротив окон кабинета Гоголя, выходящих на бульвар. Другого места для него не нашлось, как и для безымянного учреждения, примыкающего к кровле последней квартиры писателя. Сколько лет над специально пробитым в него ярко освещенным входом с бульвара (парадная лестница, фонари на каждой ступеньке, секьюрити в окнах) красовался огромный кумачовый щит с многозначительной надписью «Мы открыты круглые сутки» и номером телефона. После ряда публикаций

рекламный щит, понятный избранным, правда, исчез, зато ярко горят круглые ночи окна и иллюминируется пристроенная к «непонятной квартире» терраса на крыше именно гоголевской квартиры. Могло ли быть нечто подобное в Риме, по любому из семнадцати гоголевских адресов, которые так уверенно перечисляют и чтут итальянцы?

Итак, время для подготовки к юбилею истекло. Конечно, будут сессии, заседания, торжественные концерты, взаимные поздравления и награждения — что может изменить привычный ритуал любого празднования? Но вот музея-усадьбы или хотя бы дома-музея Гоголя не будет.

Не потому ли, что товарищ Сталин сказал, что нам нужны «свои Гоголи и Салтыковы-Щедрины»? А этот живой, настоящий, такой близкий каждому обыкновенному читателю «не свой», как ни пытайся интерпретировать «Избранные места из переписки с друзьями»? Или именно из-за той тяги народной, которую сложно регламентировать и подчинять своей собственной интерпретации? Вдруг он обретет популярность последней пушкинской квартиры на Мойке: на сколько вопросов тогда придется отвечать, от скольких логических и неизбежных выводов открещиваться! Ведь никогда и никакой аскезой не отгораживался так трудно живший и все равно жизнерадостный Николай Васильевич — синьор Николо, которому итальянцы не устают приносить цветы. (Даже намека на римскую цветочницу у московского дома нет!)

«Безумное гонение имени» — слова Сергея Тимофеевича Аксакова о друге. Не за то ли, что Гоголю принадлежат слова: «Отсюда и вся беда наша, что мы не глядим в настоящее, а глядим в будущее... Но как достигнуть этого будущего, никто не знает. Позабыли, что пути и дороги к этому светлому будущему сокрыты именно в этом темном и запутанном настоящем... Введите же меня в понимание настоящего!»

Почти полтора века назад случилось маленькое чудо. Владельцы (наследники) в прошлом богатейшего поместья Кибинцы под Ромоданью устроили распродажу остатков былой роскоши. Среди выставленного на торги оказалась и обстановка гоголевского флигелька, предоставленного владельцем поместья Д.П. Трощинским своему полууправляющему-полуходатаю по делам, а кстати, и организатору домашнего театра, каким был отец писателя. Маленький Гоголь жил здесь часто и подолгу. Начальник станции Ромодань Н.И. Курбатов скупил все: большой турецкий диван красного дерева, обитый кожей, ширмы, одностворчатый шкаф-«монашку» с вышитой картинкой (по легенде, руками Марии Ивановны Гоголь), овальный стол под красное дерево с ножкой-ананасом, явно работы местных мастеров, ломберный столик, несколько стульев. Из обстановки большого дома ему достался обеденный стол-сороконожка на 32 куверта, 10 стульев карельской березы и прямострунный рояль «Шредер». Но чудо заключалось не в покупке — она была не слишком дорогой, — а в том, что после долгих путешествий вся эта «гоголевская» обстановка в целости и почти полной сохранности оказалась на даче правнука покупателя — профессора Э.М. Белютина. В связи с разговорами о предстоящем открытии гоголевского музея профессор написал дарственную на все вещи пока еще 2-й Городской библиотеке имени Гоголя. Два года назад... и не получил ответа. Никакого! Иначе как бы те, кто причастен к организации юбилея, могли ответить всем и вся: открытие музея невозможно ввиду... отсутствия экспонатов. Ведь главное — полет дизайнерской фантазии экспозиционеров. Только бы он был необычен и моден.